

но привилегиям, им дарованным от византийских императоров, то на этом основании Республика св. Марка могла предъявлять свои по меньшей мере претензии на властвование над Афинами. Это именно, по-видимому, и побудило позднейших венецианских летописцев к сочинению рассказа о том, будто афиняне через особых послов сами предлагали предать себя под державу венецианской синьории, но что этому их намерению воспрепятствовал Оттон де ла Рош «не без кровопролития». Это утверждение, однако же, никаким историческим документом не подкрепляется, а равно неизвестно и то, чтобы республика заявляла какие-либо споры против предоставления Афин и Мегары в ленное владение де ла Рошу. Тем не менее факт не исключает вероятности того, что афиняне и впрямь предпочитали сделаться скорее подданными венецианцев, чем бургундцев, и что раньше или позднее они схватились за неудавшуюся попытку отдаться под державное покровительство могущественного города, раскинувшегося на лагунах.

Весть о том, что франки завладели Афинами, повергла в удивление Запад, так как там не вполне забыто было славное прошлое этого города, и ученые в монастырях и школах еще хорошо знали, что собой знаменует имя Афин. Альберик de Trois Fontaines занес в летопись под 1205 г. «Оттон де ла Рош, сын дворянина Понтия де ла Рош в Бургундии, чудесным образом сделался герцогом афинским и фиванским». Разумеется, это событие могло казаться достойным удивления, ибо знаменитый город, со времен Кодра и тирана Пизистрата не имевший собственного государя, после долгого промежутка времени вдруг получил такового в лице бургундского дворянина.

Новый властитель Афин отрядил воинов для охраны Акрополя, но сам пока не находил досуга устроиться в своем маленьком государстве, диковиннейшем из всех когда-либо достававшихся рыцарственным искателям приключений, — де ла Рош должен был последовать за своим сюзереном в дальнейшие его завоевательные походы против Греции. Прежде всего предстояло уничтожить тирана Леона Сгура. Тщетно осаждал, однако же, Бонифа-